

Откровенные рассказы странника

Коллектив авторов

**Откровенные рассказы
странника духовному своему отцу**

«Сибирская Благовонница»

2009

Коллектив авторов

Откровенные рассказы странника духовному своему отцу /
Коллектив авторов — «Сибирская Благовонница», 2009

«Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» были написаны во второй половине XIX века. Неоднократно переиздаваясь, эта книга не теряет своей актуальности. Странник, путешествующий по Святой Руси, описывает бескрайний Божий мир, наполненный любовью создавшего его Творца. Встречаясь с разными людьми, он постигает тайны духовной жизни, духовного подвига и совершенствования, научается «умной молитве» Иисусовой, которая помогает делателю приблизиться к Богу.

© Коллектив авторов, 2009

© Сибирская Благовонница, 2009

Содержание

Часть I	5
Рассказ первый	5
Рассказ второй	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Откровенные рассказы странника духовному своему отцу

*По благословению митрополита Ташкентского и
Среднеазиатского Владимира*

Часть I ОТКРОВЕННЫЕ РАССКАЗЫ СТРАННИКА ДУХОВНОМУ СВОЕМУ ОТЦУ

Рассказ первый

Я, по милости Божией человек-христианин, по делам великий грешник, по званию бесприютный странник, самого низкого сословия, скитающийся с места на место. Имение мое следующее: за плечами сумка сухарей да под пазухой Священная Библия – вот и все. В двадцать четвертую неделю после Троицына дня пришел я в церковь к обедне помолиться; читали Апостол из послания к Фессалоникийцам, в котором сказано: непрестанно молитесь (1 Фес. 5, 17). Сие изречение особенно вперилось в ум мой, и начал я думать, как же можно беспрестанно молиться, когда необходимо нужно каждому человеку и в других делах упражняться для поддержания своей жизни? Справился в Библии и там увидел собственными глазами то же, что слышал, – и именно, что надо непрестанно молиться, молиться на всякое время духом (см. Еф. 6, 18), воздевать молитвенные руки на всяком месте. Думал, думал я и не знал, как решить.

«Что мне делать, – подумал я, – где сыскать, кто бы растолковал мне? Пойду ходить по церквам, где славятся хорошие проповедники, авось там услышу себе вразумление». И пошел. Много слышал очень хороших проповедей о молитве. Но все они были наставления о молитве вообще: что есть молитва, как необходимо молиться, какие плоды молитвы; а о том, как преуспеть в молитве, никто не говорил. Была проповедь о молитве духом и о непрестанной молитве; но как дойти до такой молитвы, не было указано. Так слушание проповедей и не привело меня к желаемому. Почему, наслушавшись их и не получив понятия, как непрестанно молиться, я уже не стал слушать публичных проповедей, а решился при помощи Божией искать опытного и сведущего собеседника, который бы растолковал мне о непрестанной молитве, по неотступному влечению моему к сему познанию.

Долго я странствовал по разным местам: все читал Библию да расспрашивал, нет ли где какого духовного наставника или благоговейного опытного водителя? По времени сказали мне, что в одном селе живет уже давно господин и спасается: имеет в доме своем церковь, никуда не выезжает и все Богу молится да беспрестанно читает душе спасительные книги. Услышав это, я уже не шел, а бежал в сказанное село; достиг и добрался до помещика.

– Какую имеешь до меня нужду? – спросил он меня.

– Я слышал, что вы человек богомольный и разумный; потому и прошу вас, ради Бога, растолковать мне, что значит сказанное у апостола: непрестанно молитесь – и каким образом можно непрестанно молиться? Желательно мне сие узнать, а понять никак не могу.

Барин помолчал, пристально посмотрел на меня да и говорит: непрестанная внутренняя молитва есть непрерывное стремление духа человеческого к Богу. Чтобы успеть в сем сладостном упражнении, следует чаще просить Господа, чтобы научил Он непрестанно молиться.

Молись больше и усердней, молитва сама собою откроет тебе, каким образом может быть непрестанною; для сего потребно свое время.

Сказав это, он велел накормить меня, дал на дорогу и отпустил. И не растолковал.

Опять я пошел; думал-думал, читал-читал, размышлял-размышлял о том, что сказал мне барин, и не мог-таки понять, а хотел очень уразуметь, так что и ночи не спались. Прошел верст двести и вот вхожу в большой губернский город. Увидел там монастырь. Остановившись на постоялом дворе, услышал, что в этом монастыре настоятель добрейший, богомольный и странноприимный. Пошел к нему. Он принял меня радушно, посадил и начал угощать.

– Отче святой! – сказал я. – Угощение мне не нужно, а я желаю, чтобы вы дали мне духовное наставление, как спастись?

– Ну как спастись? Живи по заповедям да молись Богу, вот и будешь спасен!

– Я слышу, что надо непрестанно молиться, но не знаю, как непрестанно молиться, и не могу да же понять, что значит непрестанная молитва. Прошу вас, отец мой, растолковать мне это.

– Не знаю, любезный брат, как еще растолковать тебе. Э! Постой, есть у меня книжка, там растолковано, – и вынес святителя Димитрия «Духовное обучение внутреннего человека». – Вот, читай на этой странице.

Я начал читать следующее: «Оные апостольские словеса: непрестанно молитесь – должно разуметь о творимой умом молитве: ум бо может всегда вперен быть в Бога и непрестанно Ему молиться».

– Растолкуйте мне это, каким образом ум всегда может быть вперен в Бога, не отвлекаться и непрестанно молиться.

– Это весьма мудрено, разве кому Сам Бог так даст, – сказал настоятель. И не растолковал.

Переночевав у него и наутро поблагодарив за ласковое странноприятие, я двинулся далее в путь, сам не зная куда. Горевал о своем непонятии да для отрады читал Святую Библию. Шел так дней пять по большой дороге; наконец, под вечер, нагнал меня какой-то старичок, по виду как будто из духовных.

На вопрос мой он сказал, что он схимонах из пустыни, которая верстах в десяти в сторону от большой дороги, и звал меня зайти с ним в их пустынь. У нас, говорил, странников принимают, успокаивают и кормят вместе с богомольцами на гостинице.

Мне что-то не хотелось заходить, и я отвечал на приглашение его так: покой мой зависит не от квартиры, а от духовного наставления; за пищей же я не гонюсь, у меня много сухарей в сумке.

– А какого рода ты ищешь наставления и в чем недоумеваешь? Зайди, зайди, любезный брат, к нам; у нас есть опытные старцы, могущие дать духовное окормление и наставить на путь истинный при свете слова Божия и рассуждения святых отцов.

– Вот видите, батюшка, около года тому назад, как я, быв у обедни, услышал в Апостоле такую заповедь: непрестанно моли тебя. Не умея этого понять, я начал читать Библию. И там также во многих местах нашел повеление Божие, что надо непрестанно молиться, всегда, на всякое время, на всяком месте, не токмо при всех занятиях, не токмо в бодрствовании, но даже и во сне. Аз сплю, а сердце мое бдит (Песн. 5, 2). Это очень удивило меня, и я не мог понять, как можно сие исполнить и какие к тому способы; сильное желание и любопытство возбудилось во мне, и день и ночь из ума моего сие не выходило. А посему я стал ходить по церквам, слушать проповеди о молитве; но сколько их ни выслушал, ни в одной не получил наставления, как непрестанно молиться; все только говорено было о приготовлении к молитве или плодах ее и подобное, не научая, как не престанно молиться и что значит таковая молитва. Я часто читал Библию и ею проверял слышанное, но при сем не находил желаемого познания. И так я до сих пор оставался в недоумении и беспокойстве.

Старец перекрестился и начал говорить: – Бла годари Бога, возлюбленный брат, за сие открытие Им в тебе непреодолимого влечения к познанию непрестанной внутренней молитвы. Познай в сем звание Божие и успокойся, уверившись, что до сего времени совершалось над тобою испытание согласия твоей воли на глас Божий и даваемо было разуместь, что не мудростью мира сего и не любознательностью внешнею достигают небесного света, непрестанной внутренней молитвы, но, напротив, нищетою духа и деятельным опытом обретается оное в простоте сердца. А посему нисколько не удивительно, что ты не мог слышать о существенном деле молитвы и познать науку, как достичь непрестанного действия оной. Да и правду сказать, хотя немало проповедуют о молитве и много есть о ней поучений различ ных писателей, но поелику все их рассуждения основаны большей частью на умозрении, на соображениях естественного разума, а не на дея тельной опытности, то более они и поучают о при надлежностях молитвы, нежели о сущности само го предмета. Иной прекрасно рассуждает о необ ходимости молитвы, другой – о ее силе и благотворности третий – о средствах к совершенству молитвы, то есть о том, что для молитвы необходимо нужно усердие, внимание, теплота сердца, чистота мысли, примирение с врагами, смирение, сокрушение и пр. А что такое молитва и как научиться молиться? – На сии, хотя и первейшие и самонужнейшие вопросы, весьма редко у проповедников сего времени можно находить обстоятельные объяснения, поелику они труднее для по нятия всех вышеисчисленных их рассуждений и требуют таинственного ведения, а не одной токмо школьной научности. Да что еще всего сожальнее, что суетная стихийная мудрость за ставляет измерять Божие мерилom человеческим. Многие о деле молитвы рассуждают совсем пре вращенно, думая, что приуготовительные средства и подвиги производят молитву, а не молит ва рождает подвиги и все добродетели. В сем случае они плоды или последствия молитвы не правильно принимают за средства и способы к оной и сим унижают силу молитвы. И это совершенно противно Священному Писанию, ибо апо стол Павел дает наставление о молитве в таковых словах: молю убо прежде всех (прежде всего) творити молитвы (1 Тим. 2, 1). Здесь первое наставление в изречении апостола о мо литве есть то, что он поставляет дело молитвы прежде всего: молю прежде всех тво рити молитвы. Много дел благих, кото рые требуются от христианина, но дело молитвы должно быть прежде всех дел, потому что без нее не может совершиться никакое другое дело благое. Не можно без молитвы найти путь ко Гос поду, уразуметь истину, распять плоть со страстями и похотями, просветиться в сердце светом Христовым и спасительно соединиться без пред варительной частой молитвы. Я говорю «частой», ибо и совершенство, и правильность молитвы вне нашей возможности, как говорит и святой апостол Павел: о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы (Рим. 8, 26). Следственно, токмо частость, всегдашность оставлена на до лю нашей возможности, как средство к достижению молитвенной чистоты, которая есть мать всякого духовного блага. Стяжи мать, и про изведет тебе чад, говорит преподобный Исаак Сирий, на учись приобрести первую, молитву, и удобно исполнишь все добродетели. А об этом-то и неясно знают, и немного говорят мало знакомые с прак тикой и с таинственными учениями святых отцов.

В сем собеседовании мы нечувствительно подошли почти к самой пустыни. Чтобы не упу стить мне сего мудрого старца, а скорее получить разрешение моего желания, я поспешил сказать ему:

– Сделайте милость, честнейший батюшка, объ ясните мне, что значит непрестанная внутренняя молитва, и как научиться оной; я вижу, что вы подробно и опытно это знаете.

Старец принял сие мое прошение с любовью и позвал меня к себе:

– Зайди теперь ко мне, я дам тебе книгу святых отцов, из которой ты ясно и по дробно можешь уразуметь и научиться молитве при помощи Божией.

Мы вошли в келлию, и старец начал говорить следующее:

– Непрестанная внут ренняя Иисусова молитва есть непрерывное, ни когда не престаю щее призывание Божественного имени Иисуса Христа устами, умом и сердцем при воображе-

нии всегдашнего Его присутствия и прощении Его помилования, при всех занятиях, на всяком месте, во всяком времени, даже и во сне. Она выражается в таковых словах: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». И если кто навык нет сему призыванию, то будет ощущать великое утешение и потребность творить всегда сию молитву так, что уже без молитвы и быть не может и она уже сама собою будет в нем изливаться. Теперь понятно ли тебе, что есть непрестанная молитва?

– Очень понятно, отец мой! Бога ради, научите меня, как ее достигнуть! – воскликнул я от радости.

– Как научиться молитве, о сем прочтем вот в этой книге. Сия книга называется «Добротолюбие». Она содержит в себе полную и подробную науку о непрестанной внутренней молитве, изложенную двадцатью пятью святыми отцами, и так высока и полезна, что почитается главным и первейшим на ставником в созерцательной духовной жизни и, как выражается преподобный Никифор, «без тру да и потов в спасение вводит».

– Неужели она выше и святее Библии? – спросил я.

– Нет, она не выше и не святее Библии, а содержит в себе светлые объяснения того, что таинственно содержится в Библии и не удоборазумно по высоте своей для нашего недалековидного ума. Я представляю тебе сему пример: солнце есть величайшее, блистательнейшее и превосходнейшее светило; но ты не можешь созерцать и рассматривать его простым, неогражденным глазом. Потребно из вестное искусственное стекло, хотя в миллионы раз меньшее и тусклее солнце, через которое мог бы ты рассматривать сего великолепного царя светил, восхищаться и принимать пламенные лучи его. Так и Священное Писание есть блиста тельное солнце, а «Добротолюбие» – то потребное стекло.

Теперь слушай, я буду читать, каким образом научиться непрестанной внутренней молитве. – Старец раскрыл «Добротолюбие», отыскал наставление преподобного Симеона Нового Богослова и на чал: – «Сядь безмолвно и уединенно, преклони главу, закрой глаза, потише дыши, воображением смотри внутрь сердца, своди ум, то есть мысль, из головы в сердце. При дыхании говори: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя” – тихо устами или одним умом. Старайся отгонять помыслы, имей спокойное терпение и чаще повторяй сие занятие».

Потом старец все сие мне растолковал, показал сему пример, и мы еще прочли из «Добротолюбия» святого Григория Синаита да и преподобных Каллиста и Игнатия. Все прочтенное в «Добротолюбии» старец мне растолковал и своим еще словом. Я с восхищением внимательно слушал все, погло щал памятью и старался как можно подробнее все помнить. Так мы просидели всю ночь и не спавши пошли к заутрене.

Старец, отпуская меня, благословил и сказал, чтобы я, учась молитве, ходил к нему с простосердечным исповеданием и откровением, ибо без по верки наставника самочинно заниматься внутренним деланием неудобно и малоуспешно.

Стоя в церкви, я чувствовал в себе пламенное усердие, чтобы как можно прилежнее изучать внутреннюю непрестанную молитву, и про сил о том Бога, чтобы Он помог мне. Потом думал, как же я буду ходить к старцу на совет или на дух с откровением, ведь на гостинице больше трех дней жить не дадут, около пустыни квартир нет?.. Наконец услышал, что версты за четыре есть деревня. Пришел туда искать себе места, и, по счастью моему, Бог показал мне удобство. Я нанял ся там на все лето у мужика стеречь огород, с тем чтобы и жить мне в шалаше на сем огороде одному. Слава Богу! Нашел спокойное место. И так стал жить и учиться по показанному мне способу внутренней молитве да похаживать к старцу.

С неделю я пристально занимался в уединении моем на огороде изучением непрестанной молитвы точно так, как растолковал мне старец. Вна чале как будто дело и пошло. Потом почувствовал большую тяжесть, лень, скуку, одолевающий сон, и разные помыслы тучею надвигались на меня. Со скорбью я пошел к старцу и рассказал ему мое положение. Он, любезно встретив меня, начал говорить:

– Это, возлюбленный брат, война про тив тебя темного мира, которому ничто в нас так не страшно, как сердечная молитва, и потому он всячески старается, чтобы помешать тебе и отвратить от изучения молитвы. Впрочем, и враг действует не иначе, как по воле Божией и попустиению, сколько это для нас нужно. Видно, еще по требно тебе испытание к смирению, а потому еще и рано с неумеренным рвением касаться высшего сердечного входа, дабы не впасть в духовное ко рыстолюбие.

Вот я тебе прочту об этом случае наставление из «Добротолюбия». – Старец отыскал учение преподобного Никифора монашествующего и начал читать: – «Если несколько потрудившись, ты не можешь войти в страну сердечную так, как тебе было растолковано, то сделай, что я скажу тебе, и при помощи Божией найдешь искомое. Знаешь, что способность словопроизношения находится у каждого человека в гортани. Сей способности, отгоняя помыслы (можешь, если захочешь), и дай беспрестанно говорить сие: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя” – и понудься всегда произносить оное. Если некоторое время в сем пробудешь, то отверзется тебе через сие и сердечный вход без всякого сомнения. Это дознано по опыту».

Вот слышишь, как наставляют святые отцы в сем случае, – сказал старец. – А потому ты должен теперь с доверенностью принять заповедь, сколь можно более творить устную Иисусову молитву. Вот тебе четки, по коим совершай на первый раз хоть по три тысячи молитв в каждый день. Стоишь ли, сидишь ли, ходишь ли или лежишь, беспрестанно говори: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», негромко и неспешно, и непременно верно вы полняй по три тысячи в день, не прибавляй и не убавляй самочинно. Бог поможет тебе через сие достигнуть и непрестанного сердечного действия.

С радостью я принял сие его приказание и пошел в свое место. Начал исполнять верно и в точности, как научил меня старец. Дня два мне было трудновато, а потом так сделалось легко и желательно, что когда не говоришь молитвы, являлось какое-то требование, чтобы опять творить Иисусову молитву, и она стала произноситься удобнее и с легкостью, не так уже, как прежде, с понуждением.

Я объявил о сем старцу, и он приказал мне уже по шести тысяч молитв совершать в день, сказав: «Будь спокоен и только как можно вернее старайся выполнить заповеданное тебе число молитв. Бог сотворит с тобою милость».

Целую неделю я в уединенном моем шалаше проходил каждодневно по шести тысяч Иисусовых молитв, не заботясь ни о чем и не взирая на помыслы, как бы они ни воевали; только о том и старался, чтобы в точности выполнить старцеву заповедь. И что же? Так привык к молитве, что если и на краткое время перестану ее творить, то чувствую, как бы чего-то не хватает, как бы что-нибудь потерял; начну молитву, и опять в ту же минуту делается легко и отрадно. Когда встречаюсь с кем-нибудь, то и говорить уже неохота, и все хочется быть в уединении да творить молитву: так привык к ней в неделю.

Дней десять не видав меня, старец сам пришел навестить меня; я объяснил ему мое состояние. Он, выслушав, сказал: «Вот ты теперь привык к молитве, смотри же, поддерживай и усугубляй эту привычку, не теряй времени втуне и с Божией помощью решишь неопустительно совершать по двенадцати тысяч молитв в день; держись уединения, вставай пораньше да ложись попозднее, через каждые две недели ходи ко мне на совет».

Стал я так поступать, как повелел мне старец, и на первый день едва-едва успел в поздний вечер окончить мое двенадцатитысячное правило. На другой день совершил его легко и с удовольствием. Сперва чувствовал при беспрестанном изрекании молитвы усталость или как бы одеревенение языка и какую-то связанность в челюстях, Впрочем, приятные, потом легкую и тонкую боль в нёбе рта, далее ощутил небольшую боль в большом пальце левой руки, которою перебирал четки, и воспламенение всей кисти, которое простиралось и до локтя и производило приятнейшее ощущение. Притом все сие как бы возбуждало и по нуждало к большему

творению молитвы. И так дней пять исполнял верно по двенадцать тысяч мо литв и вместе с привычкою получил приятность и охоту.

Однажды рано поутру как бы разбудила меня молитва. Стал было читать утренние молит вы, но язык неловко их выговаривал, и все жела ние само собою стремилось, чтобы творить Иисусову молитву. И когда ее начал, как стало легко, отрадно, и язык и уста как бы сами собою выго варивали без моего понуждения! Весь день про вел я в радости и был как бы отрешен ным от все го прочего, был как будто на другой земле и с легкостью окончил двенадцать тысяч молитв в ранний вечер. Очень хотелось и еще творить молитву, но не смел более приказанного старцем. Таким образом и в прочие дни я продолжал призывание имени Иисуса Христа с легкостью и влечением к оному.

Потом пошел к старцу на откровение и рассказал ему все подробно. Он, выслушав, начал говорить:

– Слава Богу, что открылась в тебе охота и легкость молитвы. Это дело естественное, приходящее от частого упражнения и подвига, подобно как машина, у которой дадут толчок или форс главному колесу, после долго сама собою действует; а чтобы продлить ее движение, надо оное колесо подмазывать да подталкивать. Вот видишь ли, какими превосходными спо собностями человеколюбивый Бог снабдил даже и чувственную натуру человека, какие могут являться ощущения и вне благодати, и не в очищенной чув ственности, и в греховной душе, как уже сам ты это испытал? А колико превосходно, восхитительно и наслаждительно, когда кому благоволит Господь открыть дар самодействующей духовной молит вы и очистить душу от страстей? Это состояние неизобразимо, и открытие этой молитвенной тай ны есть предвку шение сладости небесной на зем ле. Сего сподобляются в простоте любвеобиль ного сердца ищущие Господа! Теперь разрешаю тебе: твори молитву сколько хочешь, как можно более, все время бодрствования старайся посвя щать молитве и уже без счисления призывай имя Иисуса Христа, смиренно предавая себя в волю Божию и от Него ожидая помощи; верую, что Он не оставит тебя и управит путь твой.

Приняв сие наставление, я все лето проводил в беспрестанной устной Иисусовой молитве и был очень покоен. Во сне почасту грези лось, что творю молитву. А в день, если слу чалось с кем встретиться, то все без изъятия представля лись мне так любезны, как бы родные, хотя и не занимался с ними. Помыслы сами собою совсем стихли, и ни о чем я не думал, кроме молитвы, к слушанию которой начал склоняться ум, а сердце само собою по временам начало ощущать теплоту и какую-то приятность. Когда случалось приходить в церковь, то длинная пустынная служба казалась краткою и уже не была утомительна для сил, как прежде. Уединен ный шалаш мой представлялся мне великолепным чертогом, и я не знал, как благодарить Бога, что Он мне, такому окаянному, грешному, послал такого спасительного старца и наставника.

Но недолго я пользовался наставлениями моего любезного и богомудрого старца. В конце лета он скончался. Я, со слезами простившись с ним, поблагодарив его за отеческое учение меня, окаянного, выпросил себе после него на благословение четки, с которыми он всегда молился. Итак, я остался один. Наконец и лето прошло, и огород убрали. Мне стало жить негде. Мужик расчел меня, дал мне за сторожбу два целковых да насы пал сумку сухарей на дорогу, и я опять пошел странствовать по разным местам, но уже ходил не так, как прежде, с нуждою; призывание имени Иисуса Христа веселило меня в пути, и все люди стали до меня добрее, казалось, как будто все ме ня стали любить.

Однажды стал я думать: «Куда мне девать полученные за хранение огорода деньги и на что мне они? Э! Постой! Старца теперь нет, учить не кому; куплю себе “Добротолюбие” да и стану по нему учиться внутренней молитве». Перекрестился да и иду себе с молитвой. Дошел до одного губернского города и начал по лавкам спрашивать «Добротолюбие»; нашел в одном месте, но и то про сят три целковых, а у меня только два; поторговался-поторговался, но купец не уступил нисколько; наконец сказал: «Поди вон к этой церкви, там спроси старосту церков-

ного; у него есть старенькая этакая книга, может, он и уступит тебе за два целковых». Я пошел и действительно купил за два целковых «Добротолюбие», все избитое и ветхое. Обрадовался. Кое-как починил его, обшил тряпкой и положил в сумку с моей Библией.

Вот теперь так и хожу да беспрестанно творю Иисусову молитву, которая мне драгоценнее и слаще всего в свете. Иду иногда верст по семидесяти и более в день и не чувствую, что иду, а чувствую только, что творю молитву. Когда сильный холод прохватит меня, я начну напряженнее говорить молитву и скоро весь согреюсь. Если голод меня начнет одолевать, я стану чаще призывать имя Иисуса Христа и забуду, что хотелось есть. Когда сделаюсь болен, начнется ломота в спине и ногах, стану внимать молитве и боли не слышу. Кто когда оскорбит меня, я только вспомню, как насладительна Иисусова молитва, – тут же оскорбление и сердитость пройдет и все забуду. Сделался я какой-то полоумный, нет у меня ни о чем заботы, ничто меня не занимает, ни на что бы суетливое не глядел и был бы все один в уединении; только по привычке одного и хочется, чтобы беспрестанно творить молитву, и когда ею занимаюсь, то мне бывает очень весело. Бог знает, что такое со мною делается. Конечно, все это чувственное или, как говорил покойный старец, естественно и искусственно от навыка; но вскоре приступить к изучиванию и усвоению духовной молитвы внутрь сердца еще не смею, по недостойнству моему и глупости. Жду часа воли Божией, надеясь на молитвы покойного старца моего. Итак, хотя я и не достиг непрестанной самодействующей духовной молитвы в сердце, но, слава Богу, теперь ясно понимаю, что значит изречение, слышанное мною в Апостоле: Непрестанно молитесь.

Рассказ второй

Долго я странствовал по разным местам с сопутствовавшей мне Иисусовой молитвой, которая ободряла и утешала меня во всех путях, при всех встречах и случаях. Наконец стал я чувствовать, что лучше бы где-нибудь остановиться на одном месте, как для удобнейшего уединения, так и для изучения «Добротолюбия», которое, хотя и понемногу, я читал, приютившись на ночлегах, или при дневном отдыхе; однако же было сильное желание, чтобы постоянно углубляться в оное и с верою почерпнуть из него истинное наставление ко спасению души через сердечную молитву. Но как, согласно сему моему желанию, я нигде, ни в какую усиленную работу наняться не мог по причине совершенного невладения левой моей рукой с самого малолетства, а потому, будучи в не возможности иметь постоянный приют, я пошел в сибирские страны к святителю Иннокентию Иркутскому с тем намерением, что по лесам и степям сибирским мне идти будет безмолвнее, следственно, и заниматься молитвой и чтением удобнее. Так я и шел да беспрестанно творил устную молитву. Наконец через непродолжительное время почувствовал, что молитва сама собой начала как-то переходить в сердце, то есть сердце, при обыкновенном своем биении, начало как бы выговаривать внутри себя молитвенные слова за каждым своим ударом, например: 1) Господи, 2) Иисусе 3) Христе и пр. Я перестал устами говорить молитву и начал с прилежанием слушать, как говорит сердце, помня, как толковал мне покойный старец, как это было приятно. Потом начал ощущать тонкую боль в сердце, а в мыслях такую любовь ко Иисусу Христу, что казалось, что если бы Его увидел, то так и кинулся бы к ногам Его и не выпустил бы их из рук своих, сладко лобызая, до слез, но благодаря, что Он такое утешение о имени Своем подает, по милости и любви Своей, недостойному и грешному созданию Своему.

Далее начало являться какое-то благотворное растепливание в сердце, и эта теплота простиралась и по всей груди. Сие обратило меня в особенности к прилежному чтению «Добротолюбия», чтобы как поверять мои ощущения, так и изучать дальнейшее занятие внутренней сердечной молитвой; ибо без сей проверки боялся, дабы не впасть в прелесть, или не принять естественных действий за благодатные, и не возгордиться своим приобретением молитвы, как слышал я от покойного старца. А потому я шел уже более по ночам, а дни преимущественно проводил в чтении «Добротолюбия», сидя в лесу под деревьями. Ах, сколько нового, сколько мудрого и доселе неведомого открыло мне сие чтение! Упражняясь в нем, я вкушал такую сладость, какой до сего времени не мог и вообразить. Правда, хотя некоторые места были и непонятны при чтении глупому уму моему, но последствия, происходящие от сердечной молитвы, разъяснили мне непонимаемое; к тому же изредка видывал во сне и покойного старца моего, который многое толковал мне и более всего наклонял бессмысленную душу мою ко смирению. С лишком два летних месяца я так блаженствовал. Путешествовал по лесам да проселочными дорогами. Если приду в деревню, попрошу себе сумку сухарей да горсть соли да налью бурачок воды и опять пошел верст на сто.

По грехам, что ли, окаянной души моей, или по потребности в духовной жизни, или лучшему наставлению и опытности под конец лета начали являться искушения. А именно: вышел я на большую дорогу, в сумерки нагнали меня два человека, похожие с головами на солдат; стали у меня требовать денег. Когда я отозвался, что не имею ни копейки, они сему не верили и дерзко кричали: «Врешь! Странники много набирают денег!» Один из них, сказавши: «Да что с ним много говорить», – ударил меня дубиной в голову так, что я упал без памяти. Не знаю, долго ли я лежал без чувств, но, очнувшись, увидел, что я лежу у леса близ дороги весь раздерганный и сумки моей нет, одни только перерезанные веревки, на коих она была несена. Слава Богу, что не унесли паспорт, который лежал в ветхой моей шапке, на случай скорейшего показания, где требуют. Встав, я горько заплакал, не столько от головной боли, сколько о том,

что лишили книг моих, Библии и «Добротолюбия», бывших в унесенной сумке. Ни день ни ночь не переставал я скорбеть и плакать. Где теперь моя Библия, которую я с малых лет читал и имел всегда при себе? Где мое «Добротолюбие», из которого я почерпал и наставление, и утешение? Лишился я, несчастный, и первого, и по следнего сокровища в моей жизни, еще не насытившись оным. Лучше бы меня совсем убили, не жели жить мне без сей духовной пищи! Не могу уже теперь опять приобрести их!

Два дня я едва передвигал ноги, изнемогая от сего горя, а на третий, совсем выбившись из сил, упал под куст и заснул. Вот и вижу во сне, будто я в пустыни в келлии старца моего оплакиваю свое горе. Старец, утешая меня, начал говорить: «Это тебе урок беспристрастия к вещам земным для удобнейшего шествия к небу. Тебе это попущено для того, чтобы не впал ты в сластолюбие духовное. Бог хочет, чтобы христианин совершенно отвергнулся своей воли, хотения и всякого к оному пристрастия и совершенно предался бы в Его Божественную волю. Он все случаи устраивает к пользе и спасению человека. Всем хочет спастись (1 Тим. 2, 4). А потому ободрись и веруй, что со искушением сотворит Господь и избытие (см. 1 Кор. 10, 13). И ты вскоре утетишься гораздо более, чем теперь скорбишь». При сих словах я проснулся, почувствовав укрепление в силах и в душе как бы какой-то рассвет и успокоение. Да будет воля Господня, сказал я, перекрестился, встал и пошел. Молитва опять начала действовать в сердце по-прежнему, и дня три я путешествовал спокойно.

Вдруг нагоняю по дороге этап колодников, ведомых за конвоем. Поравнявшись с ними, я увидел двух человек, которые меня ограбили, и так как они шли с краю прочих, то я упал им в ноги и убедительно просил их сказать, где мои книги. Сначала они не обратили на меня внимания, а по том один из них начал говорить: «Если что-нибудь дашь нам, то скажем, где твои книги. Дай нам целковый». Я побожился, что дам, непременно дам, хоть Христа ради попрошу по миру; вот, коли хотите, возьмите под залог паспорт мой.

Они сказали, что книги мои в обозе везутся с прочими обысканными у них воровскими вещами. «Как же я могу получить их?» – «Проси капитана, который нас провожает». Я бросился к капитану и объяснил все подробно. Между прочим он спросил меня: «Не ужели ты умеешь читать Библию?» «Не только умею все читать, – ответил я, – но даже и писать: вы увидите на Библии надпись, что она моя, а вот и в паспорте моем означено то же имя и прозвание». Капитан начал говорить: «Эти мошенники беглые солдаты, они жили в землянке и многих грабили. Их вчера поймал ловкий ямщик, у которого они хотели отбить тройку. Пожалуй, я выдам тебе твои книги, коли они тут есть, но ты иди с нами на ночь лег; тут недалеко, версты четыре, а то не останавливать же этап и обоз для тебя». Я с радостью пошел около верховой капитанской лошади да разговорился с ним. Увидел, что он человек добрый и честный и уже не молод. Он спрашивал меня, кто я, откуда и куда иду. Я все отвечал по сущей правде; и так мы достигли до ночлежной этапной избы. Он, отыскав мои книги, мне отдал да и говорит: «Куда ж теперь ночью тебе идти, ночуй вот у меня в прихожей». Я остался.

Получив книги, я так был рад, что не знал, как благодарить Бога; прижал книги к моей груди и держал до тех пор, что руки даже окостенели. Слезы лились из глаз моих от радости, и сердце сладко билось от восторга!

Капитан, смотря на меня, спросил: «Видно, ты любишь читать Библию». Я от радости не мог ни чего на сие ответить, только плакал. Он продолжал: «Я сам, брат, аккуратно читаю каждый день Евангелие. – При сем расстегнул мундир и снял маленькое Евангелие киевской печати, все окованное серебром. – Сядь-ка, я расскажу тебе, что к этому меня привело. Да подайте-ка нам ужинать!»

Мы сели за стол, капитан начал рассказывать: «Я с молодых лет служил в армии, а не в гарнизоне; знал службу и любим был начальством как исправный прапорщик. Но лета были молодые, приятели тоже; я по несчастью и приучился пить, да под конец так, что открылась и запойная болезнь; когда не пью, то исправный офицер, а как закурю, то недель шесть в лежку.

Долго терпели мне, наконец за грубости шефу, сделанные в пьяном виде, разжаловали меня в солдаты на три го да с перемещением в гарнизон; а если не исправлюсь и не брошу пить, то угрожали строжайшим наказанием. В сем несчастном состоянии я сколь ко ни старался воздержаться и сколько от сего ни лечился, никак не мог покинуть моей страсти а потому и хотели переместить меня в арестантские уже роты. Услышав сие, не знал я, что с собой делать.

В одно время я с раздумьем сидел в казармах. Вдруг вошел к нам какой-то монах с книжкой для сбора на церковь. Кто что мог, пода ли. Он, подошедши ко мне, спросил: “Что ты такой печальный?” Я, разговорившись с ним, пересказал мое горе; монах, сочувствуя моему положению, начал: “Точно то же было с моим родным братом, и вот что ему помогло: его духовный отец дал ему Евангелие да и накрепко приказал, чтобы он, когда захочет вина, то нимало не медля прочел бы главу из Евангелия; если и опять захочет, то и опять читал бы следующую главу. Брат мой стал так поступать, и в непродолжительном времени страсть к питию в нем исчезла, и теперь вот уже пятнадцать лет капли хмельного не берет в рот. Поступай-ка и ты так, увидишь пользу. У меня есть Евангелие, пожалуй, я принесу тебе”. Выслушав это, я сказал ему: “Где же помочь твоему Евангелию, когда никакие старания мои, ни лекарственные пособия не могли удержать меня?” Я сказал сие так, потому что никогда не читывал Евангелия.” Не говори этого, – возразил монах, – уверяю тебя, что будет польза”. На другой день действительно монах принес мне вот это Евангелие. Я раскрыл его посмотрел, почитал да и говорю: “Не возьму я его; тут ничего не поймешь; да и печать церковную читать я не привык”. Монах продолжал убеждать меня, что в самых словах Евангелия есть благодатная сила, ибо писано в нем то, что Сам Бог говорил. “Нужды нет, что не понимаешь, только читай прилежно. Один святой сказал: если ты слова Божия не понимаешь, так бесы понимают, что ты читаешь, и трепещут; а ведь страсть пьянственная непременно по возбуждению бесов. Да вот тебе еще скажу: святитель Иоанн Златоуст пишет, что даже та самая храмина, в которой хранится Евангелие, устрашает духов тьмы и бывает неудобь приступна для их козней”. Я не помню, что-то дал оному монаху, взял у него сие Евангелие да и положил его в сундук с прочими моими вещами и забыл про него. Спустя несколько времени пришло время мне за пить, смерть захотелось вина, и я поскорее отпер сундучок, чтобы достать деньги и бежать в корчму. Первое попало мне в глаза Евангелие, и я вспомнил живо все то, что говорил мне монах, развернул и начал читать сначала первую главу от Матфея. Прочитав ее до конца, именно ничего не понял; да и вспомнил, что монах говорил: нужды нет, что не понимаешь, только читай прилежно. Дай, думаю, прочту другую главу; прочел, и стало понятнее. Дай же и третью. Как только ее начал, вдруг звонок в казарме: к местам на койки. Следовательно, уже идти за ворота было нельзя; так я и остался.

Встав поутру и расположившись идти за вином, подумал: прочту главу из Евангелия – что будет? Прочел и не пошел. Опять захотелось вина; я еще стал читать, и сделалось легче. Это меня ободрило; и при каждом побуждении к вину я стал читать по главе из Евангелия. Что дальше, то все было легче, наконец, как только окончил всех четырех евангелистов, то и страсть к питию совершенно прошла и сделалось к ней омерзение. И вот ровно двадцать лет я совершенно не употребляю никакого хмельного напитка.

Все удивлялись такой во мне перемене: по прошествии трех лет опять возвели меня в офицерский чин, а потом в следующие чины и, наконец, сделали меня командиром. Я женился, жена попала добрая, нажили состояние и теперь, слава Богу, живем да бедным помогаем, по силе моим, странных принимаем. Вот уже и сын у меня офицером и хороший парень.

Слушай же, с тех пор, как я исцелился от запоя, дал себе клятву: каждый день во всю мою жизнь читать Евангелие, по целому евангелисту в сутки, невзирая ни на какие препятствия. Так теперь и поступаю. Если очень много бывает дела по должности и утомлюсь очень сильно, то ве чером, легши, заставляю прочесть надо мною целого евангелиста жену мою или сына моего и так неопустительно выполняю сие мое правило. В благодарность и во славу Божию я это Евангелие оправил в чистое серебро и ношу всегда на груди моей».

Со сладостью я выслушал сии речи капитана да и сказал ему: «Такой же пример видел и я. В на шем селе на фабрике один мастеровой был очень искусный в своем деле, добрый и дорогой мастер, но, по несчастью, тоже запивал, да и часто. Один богобоязненный человек посоветовал ему, чтобы он, когда захочется ему вина, проговаривал по тридцать три Иисусовых молитвы в честь Пресвятой Троицы и по числу тридцатитрехлетней земной жизни Иисуса Христа. Мастеровой послушался, стал это исполнять и вскоре совершенно кинул пить. Да еще что? Через три года ушел в монастырь».

«А что выше, – спросил капитан, – Иисусова молитва или Евангелие?» «Все одно и то же, – отвечал я, – что Евангелие, что Иисусова молитва, ибо Божественное имя Иисуса Христа заключает в себе все евангельские истины. Святые отцы гово рят, что Иисусова молитва есть сокращение всего Евангелия».

Наконец мы помолились. Капитан начал читать Евангелие от Марка с начала, а я слушать и творить в сердце молитву. Во втором часу за полночь капитан окончил евангелиста, и мы разошлись на покой.

По обыкновению моему, я встал рано поутру; все еще спали, и как только начало светать, я ки нулся к моему любимому «Добротолوبию». С ка кой радостью я раскрыл его! Как будто увиделся с родным отцом, бывшим в далекой стороне, или как бы с другом, из мертвых воскресшим. Я ло бызал его и благодарил Бога, возвратившего мне оное. Немедленно я начал читать Феопипта Фи ладельфийского во второй части «Добротолубия». Удивило меня его наставление, в котором он предла гает в одно и то же время одному и тому же чело веку отправлять три разнородные дела: сидя в трапезе, говорит он, телу давай пищу, слуху чте ние, уму же молитву. Но воспоминание о прошед шем всерадостном вечере опытно, на самом деле разрешило мне мысль сию. И мне открылась здесь тайна, что ум и сердце не одно и то же.

Когда встал капитан, я вышел, чтобы поблагодарить за его милости и проститься с ним. Он напоил меня чаем, дал мне целковый и простился. Итак, я пошел в путь мой, радуясь.

Пройдя с версту, вспомнил, что я обе щал солдатам целковый, который неожиданно те перь у меня есть. Отдать ли мне его им или нет? Одна мысль говорила мне: они тебя побили и ограбили, да и употребить его им в свою пользу нельзя, ибо они под стражей. А другая мысль представляла другое: вспомни, что в Библии на писано: аще убо алчет враг твой, ухлеби его (Рим. 12, 20). Да и Сам Иисус Христос говорит: любите враги ваша (Мф. 5, 44) и еще: хотящу ризу твою взяти, отдаждь ему и срачицу (см. Мф. 5, 40). Убе дившись сим, я вернулся, и только что подхожу к этапу, всех колодников вывели, чтобы гнать на следующую станцию; я скоренько подбежал, су нул в руки бывший у меня целковый да сказал: «Кайтесь и молитесь. Иисус Христос человеколю бив, Он вас не оставит!» и с сим удалился от них и пошел в другую сторону по своей дороге.

Пройдя верст пятьдесят по большой дороге, вздумал я для большего уединения и удобнейшего чтения свернуть на проселок. Долго я шел ле сами, изредка кое-где попадались и небольшие деревни. Иногда по целому дню просиживал в ле су, прилежно читая «Добротолубие»; многое и див ное познание почерпал я из него. Сердце мое рас палялось к соединению с Богом посредством внутренней молитвы, которую изучить я стремил ся при руководстве и проверке «Добротолубием», и вместе с сим скорбел, что не нахожу еще пристанища, где спокойно можно было бы посто янно заняться чтением.

В сие время также читал я и мою Библию и чувствовал, что начал понимать ее яснее, не так, как прежде, когда весьма многое казалось мне непонятным и я часто встречал недоумение. Справедливо говорят святые отцы, что «Добротолубие» есть ключ к отвержению тайн в Священном Пи сании. При руководстве оным я стал отчасти по нимать сокровенный смысл слова Божия; мне на чало открываться, что такое внутренний потаен ный сердца человек, что истинная молитва, что поклонение духом, что царствие внутрь нас, что неизреченное ходатайство совоздыхающего Духа Святого, что – будете во Мне, что – даждь Ми твое сердце, что

значит облещися во Христа, что зна чит обручение Духа в сердцах наших, что взыва ние сердечное «Авва! Отче!» и пр. Когда при сем я начинал молиться сердцем, все окру жающее меня представлялось мне в восхититель ном виде: древа, травы, птицы, земля, воздух, свет – все как будто говорило мне, что существует для человека, свидетельствует любовь Божию к чело веку и все молится, все воспеваает славу Богу. И я понял из сего, что называется в «Добротолюбии» «ведением словес твари», и увидел способ, по коему можно разговаривать с творениями Божиими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.